

званіемъ и не боясь уронить свое достоинство, входятъ въ препирательство и даже въ споры съ тяжущимися... Конечно, внѣшняя обстановка суда отъ этого много теряетъ, и городской житель, привыкшій къ торжественности обстановки мирового и окружного суда, былъ бы сильно пораженъ шумомъ и гвалтомъ, царящимъ въ волостномъ судѣ, гдѣ тяжущіеся перекрикиваютъ другъ друга, перебиваютъ судей, „чертыхаются“, божатся и плюются, гдѣ сторожъ, на обязанности котораго лежитъ отворять двери, и всякій другой случайный посѣтитель свободно вмѣшиваются въ разборъ дѣла, обращаютъ вниманіе суда на какое-нибудь выяснившееся, по ихъ мнѣнію, важное обстоятельство, подають совѣты, усовѣщиваютъ упорнаго отвѣтчика или черезъ-чуръ жестокосердаго истца; но все это имѣетъ ту хорошую сторону, что все, происходящее на судѣ, исполнѣ естественно, не стѣснено никакими формальностями и соответствуетъ представленію народа о судѣ, какъ объ учрежденіи, для всѣхъ доступномъ, всѣ функціи коего должны быть для всѣхъ понятны и не изъяты отъ общей гласной критики. Волостные судьи—тѣ же рядовые мужики; они не имѣютъ даже какого-нибудь внѣшняго знака, который отличалъ бы ихъ изъ массы, какъ напр., отличаетъ старосту его „мидалъ“, и поэтому они исполнѣ солидарны съ массой въ понятіяхъ, взглядахъ и проч. Частныя злоупотребленія со стороны судей служатъ лишь доказательствомъ низкаго уровня нравственности всего населенія; зависимость судей отъ кулаковъ-міроѣдовъ указываетъ лишь на общее поработеніе народа кулаками; словомъ, крестьянскій судъ служить лучшимъ конкретнымъ представленіемъ народной жизни, какова она есть въ дѣйствительности. То, что посторонняго человѣка, не крестьянина, приводитъ въ недоумѣніе, волостныхъ судей даже не удивляетъ: всѣ побужденія истцовъ и тяжущихся имъ совершенно понятны; они сами мыслятъ и поступаютъ такъ, какъ мыслятъ и поступаютъ тяжущіеся; вся разница только въ томъ, что у тяжущагося взглядъ на свое дѣло затемненъ личнымъ интересомъ, расчетомъ или страстью, а судья, стоящій внѣ сферы дѣйствія этого расчета или страсти, можетъ сохранить свой взглядъ на дѣло безъ всякаго посторонняго давленія. Я говорю—можетъ, потому что въ дѣйствительности этого иногда не бываетъ: у тяжущагося есть много средствъ втянуть судью въ сферу дѣйствія своихъ личныхъ побужденій; эти средства извѣстны: дружба, взятка, экономическое давленіе и т. п.

Главнымъ стимуломъ, побуждающимъ населеніе обращаться въ судъ, есть желаніе „вернуть свое“; многіе истцы, прошатели то-жъ, такъ и заявляютъ: „мнѣ чужого не надо, я свое прошу“.